

Наталья КОЗЛОВА,
Светлана РЫЛЕВА,
Евгений СТЕПАНОВ,
Валентина ФЕДОТОВА

Ценностные ориентации — предпосылка программ переустройства общества

Задачей нашего общества на современном этапе является социальная модернизация, т. е. быстрое движение к современным цивилизационным структурам, уровню и качеству жизни, достигаемых на основе новых технологий и развитых политических структур. Выбор путей модернизации связан с конкуренцией альтернативных проектов обновления, ориентированных либо на ценности Запада, либо на поиски собственных национально-особенных вариантов развития. Думаем, что решение этого вопроса следует искать прежде всего в анализе духовного состояния общества. Именно здесь закладываются ценностные предпочтения, которые выступают в качестве мотиваций той или иной программы развития.

Идеология перестройки не избежала упрощений, связанных с рассмотрением социально-экономической сферы как косной и малоподвижной, а сферы сознания как пластичной и подвижной, легко изменяемой. Действительно, за прошедшие шесть лет мы наблюдаем радикальную ломку основ прежнего сознания — ценностей. Но более глубокий анализ показывает, что даже при радикальных преобразованиях сознания нередко причудливо воспроизводятся стереотипы «старого» мышления, прежних ценностных ориентации — с переменной знака. Даже сознание интеллигенции, становящееся предметом саморефлексии, имеет подобные особенности.

Возражая против вульгарно-материалистического подхода к моделям изменения сознания, мы выдвигаем гипотезу о том, что основания социальной модернизации заключены в структурах сознания и ценностных ориентациях.

Изучение ценностных ориентации сознания может быть осуществлено с позиций социально-философских и социологических. В настоящее время наблюдается оправданный интерес к результатам социологического анализа сознания. Вместе с тем получение этих результатов требует концептуальных основ, неких схем подхода к анализу сознания, что является компетенцией философского осмысления реальности.

Козлова И. И.— кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

Рылева С. И.— младший научный сотрудник Института философии АН СССР.

Степанов Е. И.— кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии АН СССР.

Федотова В. Г.— доктор философских наук, заведующий сектором Института философии АН СССР.

Ситуационный анализ ценностных ориентации в обществе

№ пп	Направленность изменения ценностной ориентации	Психологическая реакция	Формы поведения	Тип сознания	Принадлежность к социальной группе
1	2	3	4	5	6
1	Сохранение прежних ценностей	Стремление к сохранению самодентичности прежнего типа. Упорство. Агрессивность. Вера в крепость исповедуемых норм	Борьба за прежние ценности. Мимикрия. Уход в подполье. Эскапизм. Уход в гугубо личную жизнь. Суицид	Авторитарное. Формально-бюрократическое. Консервативное. Догматическое	Консервативная часть партгосаппарата и хозяйственников; часть рабочего класса и крестьянства, военных, идеологические работники, пенсионеры
2	Коррекция ценностей	Чувство утраты части ценностных норм (депривация). Самокритичность, гибкость, мобильность. Вера в возможность позитивных перемен. Ощущение кризиса	Участие в перестройке социальных структур и процессов. Разработка социальных проектов и программ. Использование традиционных ценностей. Деятельность по переработке ценностных норм	Прагматизм. Просвещенческие идеалы. Либерально-реформаторские установки	Способный к самокритическим выводам контингент партгосаппарата; часть рабочего класса и крестьянства, интеллигенции и кооперативников, военных
3	Переоценка ценностей: иллюзорно-радикальная	Ненависть к старому миру. Нетерпимость к иным ценностным ориентирам. Агрессивность. Убежденность в негодности прежних норм	Разрыв со старыми структурами. Радикальная социальная критика. Стремление к внедрению новых форм жизни и общественно-политических структур радикальными способами с подавлением идейных и политических врагов	Радикально-революционари-стский, сохраняющий основные стереотипы прежнего сознания (образ врага, поиск вариантов «светлого будущего», харизма, «отмена истории»)	Большая часть журналистов и публицистов, технической интеллигенции, военных, рабочих, участников национальных движений; молодежь, теневики
4	Реально-радикальная	Стремление к объективности. Критическое отношение к старому обществу. Признание достоинства личности. Стремление к общественному согласию. Цивилизационный пафос	Теоретическая деятельность. Участие в подготовке политических проектов и программ, реальных и обозримых прогнозов. Предпринимательская деятельность	Умеренно-радикальное. Либерально-демократическое. Историческое	Большая часть гуманитарной интеллигенции. Определенная часть партгосаппарата. Предприниматели и их идеологи
5	Разрушение ценностей	Фрустрация. Разрыв смыслового поля личности. Отчаяние	Смирение, Бунт. Асоциальное поведение. Суицид. Абсентизм эмиграция, уход в подполье, в мистику, наркотики, алкоголь). Поиски личного спасения	Маргинальное. Неструктурированное	Пенсионеры. Молодежь. Часть интеллигенции. Лягушечники. Криминализованный население. Уголовный мир

В данной статье делается попытка реализовать такой подход. Его особенность в том, что предлагаемый вниманию читателя результат получен 1 на основе деловой игры. Речь идет о ситуационном анализе, проведенном по типу «мозгового штурма» авторами статьи с участием сотрудников ИФАН — А. Захарова, Г. Мереминского, Ю. Козырева. Результат изложен в виде таблицы и комментариев к ней.

В таблице выявлены направленность изменения ценностных ориентации и следующие из нее психологическая реакция, форма поведения, которые позволяют говорить о базовом значении произошедших ценностных перемен и охарактеризовать на их основе определенные типы сознания, а также дать некоторые наметки относительно социальной принадлежности их носителей.

* * *

Процесс «спрессованных» во времени, а потому болезненных перемен приводит не только к разрушению старых общественных структур, но и порождает кризис ценностей — этих высших регулятивов человеческой деятельности. В самом общем и приблизительном виде происшедший сдвиг можно охарактеризовать как разрушение традиционных ценностных норм (равенство, справедливость, революция, коммунизм) и желание обрести новые (свобода, демократия и др.).

Кризис ценностей каждым человеком ощущается как личная боль и забота. Он порождает альтернативы: одни обретают уверенность в себе, новую самоидентичность, другие ощущают крах жизненных ориентации, утрачивают способность к общественной деятельности. Тот, кто пытается прогнозировать будущие ситуации в обществе, не может не учитывать результатов ситуативного анализа сдвигов в области ценностей. Учет ценностной мозаики — существенное условие правильного прогноза. Его разработка предполагает процедуру сопоставления желаемого будущего с наличными ресурсами, к числу которых относятся не только материальные предпосылки деятельности, но и те, что принадлежат к области идеального, духовного.

Реально общество состоит из отдельных людей, объединяемых в группы по самым разным основаниям, в том числе и ценностным, но в последнем случае типологическая структура не будет совпадать с существующей социальной стратификацией общества. Типологические группы определяются здесь поведенческой и психологической реакцией людей на кризис ценностей. Попробуем кратко охарактеризовать эти группы, имея в виду, что все они разделяют ощущение кризиса.

Первая группа. В нее входят люди, сохранившие прежние ценности. Они, как правило, ощущают, что их ценности утратили статус господствующих. Реакция на такую утрату может быть разной. Это может быть стремление к самоидентичности прежнего типа и созданию собственного «острова» в «море» новых ценностей. Человек упорно придерживается своей веры. Но сама эта вера может сопровождаться агрессией, а может и анемией, и депрессией. Сохранение старых ценностей порождает и разные поведенческие реакции, диапазон которых также достаточно широк. Это может быть и приспособление к новым господствующим ценностям (социальная мимикрия), и политическая борьба за прежние ценностные нормы, и уход в личную жизнь, и даже суицид. Эти люди, как правило, — носители авторитарного сознания. Они верят в харизму, в то, что существует (существовал) тот, «кто знает, как надо». Они же могут быть носителями формально-бюрократического сознания как модификации авторитарного, которое проявляется в вере не просто в харизматического лидера, но и в «правильную линию партии», в возможность единственно верного, одно-

значного социального выбора. Это сознание можно назвать консервативным по отношению к уже происшедшим сдвигам. Его ценностное ядро из социально-одобряемого стало презируемым и отвергаемым. Как следствие происходит своего рода «капсулирование» старых ценностей.

Вторая группа. Люди, входящие в нее, также констатируют крушение старых ценностей. Но в отличие от первой группы, здесь происходит не «капсулирование», а коррекция старых ценностей — при сохранении их ядра (революция, социалистический выбор как легитимация). Стойко держится мнение о том, что «первоначальные» ценности, входящие в ядро, были якобы искажены, контаминированы, но само ядро сомнению не подвергается. В качестве выхода из кризиса предлагается коррекция ценностей. Члены этой группы самокритичны, мобильны, верят в возможность перемен к лучшему на основе адаптации прежних ценностей к новой ситуации. С первой группой их роднят просветительские идеалы. Однако, в отличие от нее, для представителей данной группы весьма характерен прагматизм, что позволяет характеризовать их унастроение как либерально-реформаторское. Они способны участвовать в перестройке социальных структур и процессов, в разработке социальных проектов и программ. На личностно-субъективном уровне происходят постоянная переработка ценностных норм, адаптация их к вызовам реальности.

Самое характерное ныне состояние сознания — переоценка ценностей, во всяком случае она громче всех о себе заявляет. В соответствии с разными способами трансформации ценностей можно выделить две большие группы людей.

Третья группа. Представлена людьми, склонными к радикально-иллюзорной перестройке ценностей. Что объединяет людей в эту группу? Ненависть к старому миру, нетерпимость к иным ценностным ориентирам, агрессивность по отношению к ним — вот знаки этого «нормоотношения». Оно базируется на типе сознания, которое можно назвать радикально-революционаристским. Его носители стремятся решительно порвать со старыми структурами. Они сторонники радикальной социальной критики, страстно желают внедрить как можно скорее новые формы жизни, новые общественно-политические структуры, подавить идейных и политических противников. Но роковым образом при этом сохраняются отмеченные выше стереотипы: образ врага, харизма, поиск варианта «светлого будущего», ради которого можно «отменить историю», еще раз попытавшись расчистить место под новое общество. Их сознание — теневое, зеркальное по отношению к первому типу. Оно «эксплуатирует будущим», считая людей материалом — пригодным или непригодным — для нового варианта «светлого будущего». Для него люди, входящие в первую группу или даже во вторую группу, — лишь негодный материал. Это сознание соборно, коллективно, главное здесь — не индивидуальность, а референтная группа. Основу миро-отношения составляет упрощенная картина мира, где общество — не организм, а механизм, и где можно прервать поток истории, перегородив его и направив в новое русло. Это — сознание, для которого можно дважды вступить в одну и ту же реку. Здесь отсутствует ответственность, возникающая при понимании включенности всех в единую историческую цепь. Здесь «мы» всегда правы, а «они» виноваты («они» — большевики, Ленин, Маркс, кто-угодно). Зачеркивание прошлого — необходимая предпосылка преобразований. Это — большевизм наоборот и, к сожалению, пока самый распространенный тип мироотношения, сформированный всей предыдущей российской и советской историей.

Иной тип переоценки ценностей представлен в группе четыре. Позицию людей в этой группе мы называем реально-радикальной, поскольку разделяемые ими ценности и формы поведения стоят на фундаменте прошлого, не отвергают истории. Эта группа не разделяет устремлений все разрушаю-

шего радикализма и ищет реальные возможности действия на основе новых ценностей. Она не устремлена к «светлому будущему» и взамен упрощенно-радикальных программ предлагает ориентацию на более сложную картину мира, на осознание реальных объективных противоречий действительности. В признании объективности противоречий, в отказе от социальных упрощений, в защите прав индивида и приоритетности этих прав перед групповыми, коллективными, национальными, региональными усматриваются и основные преимущества демократии. Нарушение прав человека — тест на реализацию демократии. В частности, национальные движения с этой точки зрения не могут притязать на демократические, когда за них платится такая цена, как кровь людей и дискриминация инациональных групп.

Пятая группа. Существует множество людей, для которых кризис ценностей выражается в полном их разрушении. Они пребывают в состоянии фрустрации, ибо разрушено смысловое поле личности. В поведенческом отношении это состояние может проявляться по-разному: в уходе от общественной деятельности, смиренам, абсентизме всех видов (эмиграция, уход в подполье, алкоголь, наркотики), в бунте, антисоциальном поведении и суициде, в поисках индивидуального спасения. Это — несчастное, неструктурированное, маргинальное сознание. Группа объединяет и пенсионеров, и молодежь, и интеллигентов, и люмпенов, и криминализированную часть населения. Думаем, что эта группа может увеличиваться, если будет нарастать наблюдаемый ныне повсеместно процесс распада социальных и человеческих связей.

Сами авторы причисляют себя в ценностном отношении к четвертой группе и считают ее ценности приоритетными. Наиболее значимый вариант ценностных перемен — движение к реально-радикальным ценностным изменениям. Но тогда следует зафиксировать, что еще одной значимой ценностью является избегание оценок. В каком смысле? Да в том, что права индивида для него являются ценностью; жизнь представителя любой группы, ценности которой не совпадают с утверждаемыми, тоже наделена ценностью. Право на жизнь имеет и человек с разрушенными ценностями. Мы особо подчеркиваем неприемлемость силового давления к носителям иных ценностей. Сама жизнь сегодня живущих людей выше ценностей будущего общества. Но коль скоро мы встали на такую позицию, оказывается, что есть ценности, которые выше ценностей демократии и даже свободы. Это — ценности человеческой жизни и гражданского мира.

Ценности в наше время становятся эпицентром общественной жизни. Нидерландский историк культуры И. Хейзинга считал, что в каждой культуре возникают и существуют «гиперболические идеи жизни», вокруг которых и сосредотачивается вся жизнь. В современной культуре такой идеей стала проблема выживания с учетом того, что научно-технический прогресс обострил до крайности экзистенциальные проблемы человечества, поставив его перед острейшими вопросами, от решения которых не просто зависит его будущее, но и сама возможность существования. В связи с этим появляются новые акценты в понимании самого понятия культуры как ценности. Оно стало трактоваться шире, чем прежде, — как синоним жизни, по определению ЮНЕСКО. Культура в наше время носит проектный характер. Фиксируя болевые точки современности, она рождает то состояние напряженности духа, которое становится необходимым источником и ресурсом преодоления кризисных процессов в обществе.

Но это и значит, что ценности какой-либо группы не могут насаждаться насильственно, ибо в противном случае все общество со скоростью оборвавшегося лифта рухнет, будучи разрушаемо ненавистью в истерией. Наступит конец истории, но вовсе не в том смысле, в каком понимают его Ф. Фукуяма или постмодернисты. Единственная ситуация, против которой

общество должно бороться,— это распад ценностей, представляющий опасность для самой жизни.

* * *

Одни и те же ценности объединяют в группы и тех людей, которые их не рефлексируют, оставаясь на уровне смутных чувствований, и представителей специализированного духовного труда, которые подвергают их рефлексии (у них «такая работа»), и политиков, которые, руководствуясь своими ценностями, отстаивают их в рамках деятельности партий и других общественных организаций.

Таблица дает представление о группировке социальных субъектов по ценностным ориентациям: 1. Ориентирующиеся на ценности производства (предприниматели). 2. Ориентирующиеся на политическую деятельность, участие в партийной работе, общественных движениях. 3. Ориентирующиеся на духовные ценности традиционных религий. 4. Объединяемые идеей индивидуального спасения. 5. Объединяемые идеей национальной консолидации. 6. Ориентирующиеся на сохранение цивилизационных, общечеловеческих начал.

Для тех, кто проявляет стремление скорректировать свои ценностные ориентации в сложившихся условиях, характерно, в качестве исходного основания, представление, что сохранить свою самоидентичность они могут только при постоянной гармонизации взаимоотношений с окружающими людьми, средой в целом.

Люди с такой ориентацией проявляют повышенную чувствительность к изменениям социальных условий и готовность самокритично отнестись к своим ценностным установкам и, соответственно, их модифицировать. Но такая модификация вовсе не представляется им чем-то механическим и формальным, безразличной к тому, какие ценностные пласты она затрагивает и что в результате сулит. Наоборот, в качестве неперенных субъективных, психологических условий выступает их вера, во-первых, в возможность получить в итоге позитивные перемены в обществе и, во-вторых, в то, что модификация послужит сохранению и укреплению ценностей, которым они привержены.

Как и те, кто вообще не желает поступаться прежними принципами, носители этого типа сознания, как правило, ориентируются на неизменность своей жизненной стратегии. Однако они считают, что это возможно только посредством варьирования тактики и корректировки своего поведения соответственно изменениям социальной среды. Отсюда большая склонность к компромиссам с представителями других типов ценностных ориентации, что, тем не менее, совсем не означает отказа от собственных устремлений и собственного лица, а выражает присущий им способ сохранения того и другого без насильственного навязывания другим своих ценностей.

В повседневной жизнедеятельности это, как правило, достаточно ярко выраженные прагматики с той, однако, особенностью, что они не только стремятся активно действовать, но и рассматривают свою активную позицию как естественное условие и способ взаимосотнесения собственных интересов с интересами окружающих.

В политике такого рода позиция обозначается как центризм, предполагающий принципиальный отказ от крайностей экстремизма, игнорирующего «другое» как инородное либо стремящегося радикально и насильственно его разрушить.

Если говорить об особенностях сознания людей с такого рода отношением к ценностным установкам, то можно в общем виде утверждать, что для него характерны прагматическая приближенность к «реалиям» жизни, ли-

бурально-реформаторские ориентации и апелляция к разуму тех, с кем им приходится иметь дело. Во внешне наблюдаемых формах поведения и взаимодействия с окружающими это выражается в весьма охотном участии в разработке разнообразных социальных проектов и программ перестройки тех или иных общественных процессов и отношений, а также в реализации их на практике.

Все названные характерные черты поведения хорошо просматриваются в деятельности большой группы «архитекторов» и «прорабов» перестройки — целого общественного слоя, включающего представителей самых разных социальных групп, традиционно выделяемых обществоведческим анализом.

Эти люди вступили на новое поприще, так или иначе испытав чувство, что они теряют свое лицо и нормальные взаимоотношения с окружающей действительностью из-за несоответствия каких-то поведенчески значимых ценностных представлений требованиям действительности, диктующим другой образ действий и взаимоотношений с окружающими. При этом сам лозунг перестройки возник и был признан ими не сразу, а постепенно, как определенный итог неудачных попыток решить другую, более частную и привычную задачу — вновь ускорить общественное развитие (разумеется, по признанным тогда параметрам), признаки замедления и торможения которого явственно обнаружались к тому времени. Тщетность этих попыток как раз и привела к заключению, что сделать это можно не наращиванием ресурсов и мощностей, а путем активного использования творческого потенциала участников общественно-производительной деятельности. В этом переносе акцентов с объективной стороны производственного процесса на его субъектную сторону и заключался поначалу сдвиг в практических ориентациях прежде всего у определенной части организаторов этого процесса и других влиятельных его участников. Он обусловил постепенное сосредоточение внимания на необходимости обеспечить «человеческому фактору» человеческие условия для реализации его потенциала: реальную возможность формировать и прояслять свои материальные и духовные потребности и интересы, заявлять и отстаивать свои цели и устремления. В свою очередь, этот сдвиг вызвал целую цепочку переориентации в конкретных направлениях общественной деятельности и общественных отношений, потребовав перехода к общедемократическим установкам, к признанию свободы самовыражения каждого, к гласности как непременному условию этого самовыражения, консенсусу как общественной форме «всеобщей терпимости», позволяющей учесть и взаимоотнести все разнородные мнения и интересы, к самоуправлению как способу реализации достигнутого консенсуса. Словом, ко всему тому, что составляет содержание так называемого «нового мышления». Конфликтность при такой общественной организации не исчезает, а приобретает новую направленность: она становится формой борьбы против всего того, что мешает нормальному функционированию общества, ведет к игнорированию или корыстному использованию интересов тех социальных сил, которые обеспечивают воспроизводство общественной связи, содействуют ее укреплению и развитию.

Чем весомее и основательнее становилась эта цепочка конкретных переориентации, тем отчетливее обнаруживалось, что речь идет, по существу, о воплощении общечеловеческих ценностей и об их выдвижении на приоритетное место в противовес прежде провозглашаемой приоритетности ценностей более узкого, классового характера. Смена этих приоритетов и стала, по общему признанию, исходным пунктом перестройки и обновления общественных процессов и отношений.

Распространение такого рода ценностных ориентации во всех социально значимых слоях и группах общества означало, по существу, разрастание «соединительных тканей» общественного организма, необходимых для бо-

лее согласованного и взаимоприемлемого функционирования всех его жизненно важных органов и систем. Стремление «состыковать» функционирование этих относительно самостоятельных частей ради достижения общего положительного социального эффекта делает общественный организм более чувствительным ко всем изменениям «внутреннего состояния» и более способным самостоятельно регулировать это состояние без чрезмерного повышения «общественной температуры», возникновения разного рода внутренних абсцессов и прочих проявлений «нездоровья».

Люди с подобной ценностной ориентацией ради реализации своих устремлений способны и на весьма радикальные перемены в содержании разделяемых ими ценностей. Но идут они к этому эволюционным путем, постепенно, убеждаясь на собственном опыте в необходимости все более существенных перемен. Подобный прагматизм и приземленность не отрицают вкуса к теории, но к теории, так сказать, практического уровня, позволяющей все время иметь в поле зрения конкретный предмет деятельности. Поэтому представители такого рода ориентации не имеют особой тяги к всеобъемлющей теории. Они рассматривают теорию прежде всего как «руководство к действию», а не как всеобщую объяснительную концепцию, относительно которой еще не ясно, как использовать ее в конкретном поведении и во взаимодействии с окружающими. В этом — и определенная теоретическая слабость данной ценностной позиции, ограничивающая ее эвристический и прогностический потенциалы сферой близкодействия.

Поэтому для сознания, пронизанного подобной ценностной установкой, жизненно важные проблемы проявляются не сразу во всем своем принципиальном значении, а постепенно, приобретая четкость по мере «фокусировки» их отображения в сознании.

Если «дрейф» самой действительности происходит достаточно медленно, то действия на основе такой установки могут быть весьма успешными. Если же события приобретают лавинообразный, чрезвычайный характер, то она начинает давать сбои, замедлять действия и тем самым зачастую усугубляет положение дел, затрудняет выход из создавшихся трудностей. Это означает, по существу, необходимость в таких случаях перехода к другому рода установкам, нацеленным на радикальную перестройку самой системы ценностей, регулирующих жизнь и деятельность людей, общества. При этом, как отмечено, мы различаем реально-радикальный и мниморадикальный варианты.

Культивирование реально-радикальных ценностных ориентации предполагает систематическое изучение их содержания. Основные споры у нас идут вокруг рынка, однако рынок не может быть представлен как ценность, во имя которой осуществляются преобразования. Рынок — средство экономических улучшений и форма реализации свободы в экономической сфере. Именно свобода и ответственность предстают как те ценности, которые общество культивирует в ходе собственной модернизации.

* * *

Итак, повторимся: есть ценности, более важные, чем ценности демократизации сами по себе, перестройки общества самой по себе и т. п. Это ценности жизни каждого человека, достоинства личности, сохранения гражданского мира и существования общества. И есть опасность скатывания всего общества в стадию разрушения основных консолидирующих его ценностей.

На наш взгляд, понимание демократии, ее сущности и основных черт должно быть определенным образом уточнено.

Общим для всех видов демократии является признание народа источником власти. Однако способы апелляции к этому источнику различны. Ли-

беральная демократия опирается на институты правительства, которые не позволяют ей превратиться в охлократию и обеспечивают возможность быть компетентной в отправлении своих функций. При этом либеральная демократия может превратиться в меритократию — власть «лучших», духовных аристократов, которые берут на себя выражение интересов народа. В отличие от либеральной, плебисцитарная демократия обращается к народу как таковому через организацию плебисцитов, референдумов. Границы плебисцитарной демократии — превращение в охлократию и некомпетентность правления — делают ее менее предпочтительной для нашей страны. Обоснованная Ж.-Ж. Руссо плебисцитарная демократия больше подходила для малых обществ, достаточно однородных по составу своего населения¹.

В последнее время выдвигаются идеи авторитарной демократии, которая представляется в качестве переходной формы от тоталитарных к либерально-демократическим режимам. Полагаем, что, хотя авторитаризм может стать реальной, а в определенных условиях неизбежной формой осуществления власти демократов, долг интеллигенции — все сделать для того, чтобы миновать эту форму власти.

Мы считаем, что идеалы либеральной демократии представляют для нашего склонного к крайностям общества наибольшую регулятивную и фактическую ценность, хотя и не отрицаем значимости в ряде конкретных случаев прямого обращения к народу, равно как не ратуем за ослабление деятельности властных структур, особенно в текущий переходный период.

Известно, что либеральная демократия: 1) основывается на признании достоинства личности в качестве высшей ценности (человек выше группы, выше нации); 2) утверждает свободу каждого при условии, что она не ограничивает свободу другого; 3) признает единство свободы и ответственности.

В нашем обществе эти черты демократии не стали еще основой формирования его политической культуры, участия людей в социальной жизни и деятельности. Функционирующий в сознании представителей различных групп искаженный образ демократии во многом обуславливает конфликтный характер развития общества на современном этапе.

Для предотвращения распада общества и деструкции ценностей практика социального управления должна обеспечить: правовую защищенность всех его членов, социальную стабильность, преобладание интеграционных тенденций в социальном развитии, формирование трудовой этики, обеспечивающей заинтересованность участников общественного производства в его эффективности, терпимость, формирование политической культуры населения и утверждение принципов гражданского общества и правового государства.

¹ См. Соловьев Э. Ю. Личность и право. «Вопросы философии», 1989, № 8.